

Т. В. Каблучкова
О фильме «Реконструкция»

Фильм «Реконструкция» оказал на меня странное воздействие. Если о других фильмах после их просмотра хотелось тут же сесть и написать что-то: мысли, впечатления, теоретические находки, - то об этом фильме пришлось заставить себя вспомнить. Даже о самом содержании. Попытаюсь восстановить, придётся, правда, повторить то, что уже написала Татьяна.

У писателя, который и ведёт повествование, не осталось отношений с женой Амэ: они чужие друг другу люди. Писатель вводит нового героя – Алекса. Алекс перед встречей с Амэ видит сон: девушка, очень хрупкая, настолько, что Алекс очень боится причинить ей боль. В этот же вечер он сталкивается с воплощением своего сна – Амэ. Если у мужчины нет контакта со своей анимой, если она полностью бессознательна, она даст о себе знать: сначала непонятными перепадами настроения (внезапный уход Алекса с ужина с отцом его девушки Симоны), затем в виде антропоморфного образа в сновидении, если и это не обратит внимания мужчины на внутреннюю женщину, тогда она появляется в воплощённом состоянии – роковая красотка, внезапная влюблённость. Контакт Алекса с его анимой настолько хрупок и непрочен, что любое обращение на неё внимания он воспринимал как причинение ей боли. Девушка Алекса – Симона (не помню точно её имени, но, по-моему, так) несла проекцию анимы в виде Евы (Хаввы) и стала тяготить его прилипанием, контролем, да и заботой. Исчезла живость в отношениях, за которой Алекс и ломанулся к Елене. Встретившись с ней, мужчина настолько изменился, что знакомые, включая и его девушку, перестали его узнавать. Он потерял свой дом и отправился в путешествие (путь героя прочь от матери-Евы), в которое позвал и Амэ. Она, неся проекцию Елены, то появлялась, то исчезала: женщина-приз, женщина-загадка, не могущая быть постоянной, не имеющая возможности установить долгосрочных прочных отношений. Их каждый раз приходилось начинать заново, с чистого листа, с нового завоёвывания её внимания и благосклонности. Амэ хотелось таких, настоящих отношений, но Алекс не видел настоящей женщины, только свою проекцию. «Не оглядывайся!» можно понять как страх развеять свою иллюзию, страх изъятия проекции и возможности увидеть живого человека с его уникальностью и индивидуальностью, а не свои фантазии о ней. Оглянулся – а там не то, что ожидал. Острое разочарование от утраты: она не идёт за ним! Конечно, не идёт, она женщина, а не иллюзорная Елена. Она готова к отношениям, в отличие от мужчины, нуждающегося в подтверждении своих проекций, в использовании женщины как болванки для своих проекций, как инструмента для установления контакта со своей душой, но не желающий интериоризировать этот контакт.

Отношения Амэ с супругом-писателем более разносторонние – для него Амэ и Мария, и София, и Елена. Что произошло в их отношениях, что привело к той отчуждённости и формальности, от которой писатель и ушёл в свой роман? Возможно, объективация партнёров произошла, и они поняли, что являются чужими друг для друга. Если писатель обратился в своём произведении в образ Елены, то она-то и нужна ему для восстановления чувства радости от жизни, энергии, живости, связи с окружающими, с женой. Возможно, Амэ не подыгрывает его проекциям, она переросла их в этих отношениях. Возможно, что в своём произведении писатель черпает из другого источника – образа Алекса, образа себя – молодого, энергичного, готового бросить всё ради прекрасной женщины. Возможно, этот образ переместился у писателя в Тень, и возникла необходимость её интеграции для дальнейшего творчества.